

ВОСПРИЯТИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВЛАСТИ НАСЕЛЕНИЕМ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В МАРТЕ – ОКТЯБРЕ 1917 Г. (ПО ОЦЕНКАМ УЕЗДНЫХ КОМИССАРОВ И НАЧАЛЬНИКОВ МИЛИЦИИ)

© 2018

Птицына Галина Михайловна, аспирант кафедры истории России

Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (г. Владимир, Российская Федерация)

Аннотация. В данной статье представлен анализ отчетов комиссаров Временного правительства и начальников милиции Владимирской губернии на предмет оценки последними восприятия революционной власти местным населением в марте – октябре 1917 г. Дана характеристика заявленного комплекса источников и методологической основы работы с ним. В работе подробно рассматривается отношение обывателей Владимирского края к смене власти в феврале 1917 г., июльским событиям в Петрограде, а также к октябрьскому перевороту – в восприятии комиссаров Временного правительства. Кроме того, на основе сообщений должностных лиц характеризуется состояние народной милиции, социальное поведение сельских и городских жителей. В заключение делается вывод об огромном информационном потенциале подобных донесений с мест, которые, благодаря своей структуре и содержанию, несут в себе отпечаток личного впечатления чиновника от общения с жителями. В результате анализа отчетов выявлено, что их главные темы не являлись политическими – самовольные порубки, захват лесов, учащающиеся грабежи и хулиганство, а также разруха в продовольственном обеспечении. В целом, отчеты рисуют абсолютную аполитичность крестьян с их желанием решить насущные вопросы холода и голода, а также открытую воинственность рабочих, подозрительно относящихся ко всем представителям власти.

Ключевые слова: русская революция 1917 г.; Временное правительство; провинциальное общество; революционная власть; местное управление; Владимирская губерния; губернские комиссары; уездные комиссары; народная милиция; локальная история; восприятие; имагология; социальное поведение; историческая антропология.

Субъективный мир человека прошлого в последние десятилетия все чаще становится предметом исторических исследований. В связи с этим возросла роль исторической антропологии, цель которой – взглянуть на происходящие процессы с позиций их участников [1, с. 25–61; 2, с. 161–179; 3, с. 8–15]. Такая «очеловеченная история» позволяет отказаться от концентрации только на объективном и помогает увидеть революционные события 1917 г. сквозь призму восприятия провинциального обывателя одной из типичных губерний Центрального Нечерноземья – Владимирской.

В рамках исторической антропологии происходит отказ от государственно-институционального подхода к изучению источников, где приоритет отдавался законодательным актам и делопроизводственной документации. Параллельно приобретают особую важность источники личного происхождения, то есть мемуары, дневники, письма, воспоминания. Однако делопроизводственная документация не утратила своего значения, и кроме очевидного отражения различных уровней принятия решений добавляется функция передачи некоторых аспектов повседневной жизни человека [4, с. 23; 5, с. 67]. Под повседневностью в данном случае понимается – «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира» [6, с. 38]. Реализовывать подобный подход помогают следующие методы: вчитывание в текст – проникновение в его внутренние смыслы, учет недоговоренного и случайно прорвавшегося, анализ символических форм (слов, образов, поведенческих реакций) и приемы «эмпатии», т.е. вживания, вчувствования. И, наконец, переоценка тех свидетельств, которые уже использовались раньше, но в ином ракурсе [7, с. 18–19].

Вопросы образа власти в революции 1917 г., социального поведения населения, как практического выражения его менталитета в эту переломную эпоху, стали разрабатываться отечественной исторической наукой относительно недавно. Среди основных стоит отметить работы Б.И. Колоницкого [8, с. 232–284], Г.В. Лобачевой [9, с. 372–410; 10, с. 165–169], О.С. Поршневой [11, с. 255–271], О.А. Суховой [12, с. 441–486] и П.П. Марчени [13, с. 22; 14, с. 309–315]. Однако восприятие населением Владимирской губернии революционной власти в 1917 г. ранее не становилось предметом специального исторического исследования, а многие сообщения комиссаров Временного правительства и начальников милиции данного региона вводятся в научный оборот впервые.

Цель исследования: выявление информационного потенциала отчетов уездных комиссаров и начальников милиции относительно восприятия населением Владимирской губернии революции в марте – октябре 1917 г.

Уже с самого начала революции Временное правительство пыталось наладить обратную связь по поводу обстановки на местах, но четких требований к структуре и содержанию такого рода докладов не существовало. Суздальский комиссар 20 мая заканчивал свой рапорт словами: «Нахожу крайне неудобным сообщать вам непроверенные известия и раздувать мелкие происшествия, я буду впредь телеграфировать только о событиях, действительно, выдающихся» [15, л. 19]. 19 июля циркуляром МВД комиссарам всех уровней «было предложено» сообщать еженедельно по телеграфу в Главное управление по делам милиции полные сведения о событиях политической жизни, об аграрном и рабочем движениях, о различных правонарушениях и т.д. Но полученные донесения с мест в большинстве случаев не касались

социально-политической жизни губернии, в связи с чем Главное управление просило предоставлять сведения обо всех событиях общественно-политической жизни и структурировать материал, а не просто перечислять происшествия или писать об их отсутствии, как делали многие комиссары [15, л. 15].

6 сентября Владимирский губернский комиссар получил циркуляр из МВД, в котором говорилось о необходимости к каждому 5 числу предоставления докладов о положении дел в губернии за истекший месяц. Форма этого доклада, в отличие от предыдущих, не была свободной, каждому уездному комиссару следовало заполнять 6 пунктов: 1) главные изменения в составе органов управления; 2) главные постановления комитетов объединенных организаций; 3) деятельность уездного комиссара; 4) наиболее важные случаи правонарушений; 5) состояние милиции; 6) соображения о необходимых мероприятиях центральной власти [16, л. 96]. Благодаря такой структуре отчеты представляют собой не просто сводку сухих фактов, а содержат оценку комиссарами текущего момента, взгляд изнутри, глазами непосредственных участников событий. Стоит оговориться, что немногие уездные комиссары добросовестно заполняли все 6 пунктов, некоторые пропускали часть из них, также были и те, кто форму не соблюдал и отписывал только сообщение по поводу происшествий в уездах или их отсутствии.

Сведя воедино сообщения из уездов, 8 марта губернский комиссар передал в МВД, что переход к новому порядку происходит гладко, без значительных инцидентов и человеческих жертв. Только в Судогде был черносотенный погром нескольких более значительных складов, также случай ареста населением председателя земской управы. Комиссар предполагает, что исполнительные комитеты действуют во всех городах губернии. «В общем, положение удовлетворительное. Сведения указывают на повышенный интерес населения к устройству новой лучшей жизни» [15, л. 1].

Начальник Вязниковской городской и уездной милиции 31 марта 1917 г. сообщил, что поначалу, растерявшись от волны освободительного движения, горожане затем быстро организовались и в лице временного исполнительного комитета взяли власть в свои руки. Несмотря на мелкие кражи, в общем, в городе было тихо и спокойно. Крестьяне вполне сознательно отнеслись к совершающимся событиям обновления и укрепления нового свободного строя, повсеместно признали власть Временного правительства [15, л. 3].

«В уезде у крестьян еще имеются кое-какие запасы ржи и муки, но что касается рабочего класса, то у них положительно ничего нет и как они ухитряются жить в таких условиях, я прямо удивляюсь...» – добавляет Вязниковский начальник милиции [15, л. 3]. Вообще, плачевное состояние продовольствия – самая острая тема, отраженная в отчетах на протяжении всего периода с февраля по октябрь 1917 г. [См. подробнее: 17, с. 236].

В июне уездные комиссары докладывают, что общее явление – столкновение интересов крестьян, заявляющих о хищнической вырубке лесов лесопромышленниками, и частных владельцев, жалующихся, что крестьяне запрещают сводку леса. В большин-

стве случаев удавалось склонить стороны к примирению. Выступлений контрреволюционного характера не было, особенно резких анархических выступлений тоже не отмечалось [18, л. 9, 11–14]. По словам суздальского комиссара, в конце мая недоразумения между крестьянами и помещиками, или же отрубниками, в большинстве случаев не принимали резких форм. Комиссар, уездный исполком и волостные комитеты работают сообща в направлении примирения сталкивающихся интересов [15, л. 19].

Самовольный покос травы на частных лугах, ставший повсеместным явлением, юрьев-польский комиссар объясняет крайним несоответствием в уезде площади кормовой по отношению к зерновой, плохим урожаем яровых хлебов вследствие засухи и, главным образом, отсутствием на местах земельных собственников, за которых распоряжаются «доверенные» из крестьян-кулаков, давно уже поднадоевших населению [15, л. 33–34 об.]. Другая причина, по его же мнению, кроется в пропаганде идей «максимализма», к тому же еще извращенных кривотолками многочисленных безответственных проповедников. Земельные комитеты малоэффективны по причине отсутствия минимальных юридических норм, замененных в сознании масс термином «народное право», не ставящим никаких пределов произволу иногда и небольших групп над большинством [19, с. 219].

К июльским событиям в Петрограде, по сообщениям комиссаров, население Владимирской губернии отнеслось также в целом спокойно. В периоде брожения находилось только Орехово-Зуево, где переизбрание Совета рабочих депутатов дало перевес большевикам, также в Иваново-Вознесенске, где 5 июля делегатами Совета солдатских и рабочих депутатов в почтово-телеграфной конторе была установлена цензура телеграмм, но контроль был снят в тот же день, «а в остальном все спокойно». Были недоразумения на почве землепользования в Гороховце, но таковые ликвидировались мерами, принимаемыми как комиссаром, так и примирительными камерами. В разных волостях Юрьевского уезда произошли «незначительные захваты частной земельной собственности» при уборке травы. Аграрные волнения в Покровском уезде «ничтожны», однако одна волость упорно отказывается подчиниться распоряжениям комиссара, Исполкома и Совета крестьянских депутатов. В Коврове была мирная демонстрация большевиков, «не встретившая отклика в населении» [15, л. 32, 42, 42 об.].

Из Юрьев-Польского комиссар докладывает, что можно было наблюдать отрицательное отношение к сторонникам анархии, которые кое-где пробовали выступать перед толпой. Настроение населения «деловито-спокойное»; в большинстве демократических организаций стремятся придерживаться программы социал-революционеров, но «при малой сознательности сбиваются попросту в сторону произвола и стяжания» [15, л. 33–34 об.].

Осенью главная тема сообщений – самовольные порубки частновладельческого леса. По наблюдениям покровского комиссара, агитация за приостановку лесных разработок велась лицами посторонними, не имеющими прямой связи с крестьянством. Главный довод – переход всей земли (в том числе и лесных

богатств) в руки народа и желание либо сохранить эти богатства нетронутыми, либо самим воспользоваться ими. Предполагает, что эти беспорядки могут вылиться в целый ряд погромов – хотя в Покровском уезде нет другого объекта, на которое направился бы погромный поток, кроме леса [15, л. 142]. Ковровский комиссар, жалуясь на порубку чужих лесов, прогнозирует, что в начале зимы их будет намного больше. «Хорошо, если бы была проведена общая мера для всей губернии, и чтобы за ней стояла определенная принудительная власть, которую можно было бы в необходимых случаях использовать» [15, л. 110].

Относительно мирную жизнь уезда во второй половине сентября, по словам меленковского комиссара, нарушали кражи и самовольные порубки лесов казенных, бывших удельных и частновладельческих. Порубки эти производились как отдельными гражданами, так и целыми обществами. Рубили лес для топлива, построек и даже на продажу. Точное количество таких порубок выяснить было невозможно, ибо они производились ежедневно и во всех районах, где находится лес. Ранее некоторые общества обращались в комитет по топливу и в Исполком. Не получив желаемого, крестьяне, у которых не было запаса топлива, начали самовольные порубки. Все эти проступки прошли безнаказанно, потому что отсутствовали лица, на которых можно было возложить производство дознаний. Видя такую безнаказанность, все остальные жители деревни стали самостоятельно производить рубку. «Обращения же к населению от Временного правительства, общественных организаций и уездного комиссара с просьбой воздержаться от самовольных порубок и захвата на население оказывают мало влияния» [15, л. 98, 111 об.].

«Где бы я ни был, везде выносил от разговоров с крестьянами впечатление крайней настроенности их против частновладельцев, неуважение к чужой собственности и нежелание считаться с теми законными требованиями, какие предъявляются им той или иной властью», – сообщает еще в первых числах сентября помощник начальника Меленковской милиции. Он лично производил дознания в имениях по делу о самовольных порубках и увозе крестьянами леса. По словам милиционера, везде заметно нетерпение при разрешении вопроса о топливе, «если они и делают заявления в комитет о снабжении их дровами, то в то же время, не дожидаясь ответа, посягают на чужую собственность, зная или соглашаясь с тем, что это незаконно. Действуют так лишь потому, что своеобразно понимают завоеванную свободу» [20, л. 99].

«Пришел к выводу, что если казна и частные владельцы лесов желают сохранить леса, то должны обзавестись не одиночными сторожами, а целыми вооруженными отрядами из 10–15 человек, – говорит начальник милиции Деев. – Крестьяне страшно недовольны канцелярской волокитой по инстанциям, заставляющей их ждать, пока казенные лесничие не получат на их прошения указания из Владимирского лесного управления и других мест» [20, л. 205].

Слышал милиционер в поездке выкрики, что в честь такого исторического события, как государственный переворот, Временное правительство наградило только воров, грабителей и убийц, выпустив

их из тюрем на свободу, которые продолжают и теперь их обворовывать, ничуть не позаботясь о проживающих в нищенских избах, обслуживающих многие годы помещиков, выкупные платежи и казенные кабаки крестьянах, не дав им в дар в ознаменование исторического события ни одного полена дров, наталкивая этим и канцелярской волокитой брать их самовольно, а потом намереваясь преследовать за это [20, л. 205 об.].

«Настроение у крестьян Меленковское уезда большевистского направления, – заключает Деев, – обрисовывается склонность к бесплатному захвату частновладельческой собственности, чувствуется враждебное отношение к интеллигенции». Самовольно нарубленный лесной материал они на своих участках смешивали с собственным и упорно укрывали виновных, на сходах поднимали страшный гвалт, и лицо, производившее дознание, ставилось ими в безрезультатное положение [20, л. 206].

«Милиция весьма слаба», – докладывает 4 сентября переславский уездный комиссар. По его мнению, чтобы прекратить многочисленные порубки крестьянами частного леса, необходимо иметь военный отряд для надлежащего внушения. «Единственные в моем распоряжении средства – убеждение и увещание, которые не могут иметь значения, когда за ними нет никакой силы и опоры. Речь может успешно действовать только на человека сознательного и лояльного, с грубым насилием можно бороться только опираясь на какую-либо силу. Чин милиции, как бы он ни был добросовестен к службе и исполнительен, при нынешних условиях не может составить ни одного протокола о привлечении к ответственности, если правонарушение совершено скопом или целым сельским обществом» [15, л. 123–123 об.]. 1 октября в Покровском уезде комиссар и начальник милиции были вынуждены удалиться из леса под угрозой избития. «Словесное воздействие имеет только частичный успех на крестьян, рубящих лес», – сетует комиссар. Основные меры, бывшие на вооружении должностных лиц, – воззвание к населению и вынесение на повестку дня заседания Совета крестьянских депутатов [15, л. 142].

Вообще, жалобы на кадровый состав народной милиции Временного правительства – один из лейтмотивов донесений с мест как уездных комиссаров, так и начальников милиции. В августе и сентябре общается, что Владимирская уездная милиция «недостаточная по численности и не всегда соответствующая по своему культурному и умственному развитию из-за отсутствия в уезде подходящих людей». Оружие неудовлетворительно, часть его была расхищена еще при разоружении чинов бывшей полиции и заменена малопригодными. Это значительно влияло на продуктивность работы, особенно при преследованиях, розысках и задержаниях злоумышленников, которые в большинстве случаев были хорошо вооружены. Отсутствие лошадей у части конных милиционеров тормозило исполнение разного рода поручений. По мнению комиссара, желателен более культурный состав милиции, а также необходимо отрегулировать вопрос о передвижении милиционеров по уезду, т.к. пунктсодержатели отказывались возить чинов милиции за прогон, и названным чином часто приходилось исполнять поручения пеш-

ком из-за невозможности получить лошадей или из-за высокой платы ямщикам (каждая деловая поездка обходилась от 20–40 рублей 10–20 верст). На отпускаемые для развозов суммы завести собственных лошадей и экипажи было совершенно невозможно [16, л. 103]. К ноябрю вопрос о передвижении урегулирован уездной земской управой [16, л. 296].

На личный состав к началу августа сетует и меленковский уездный начальник милиции Деев. Он докладывает, что различными учреждениями предъявляются к начальникам милиции такие служебные требования, часто срочного характера, что выполнять их при настоящем составе волостной комиссии, милиции и других чинов положительно не представляется возможным. «Нет для этой службы в данное время подходящих людей, почти все на войне, да и служба в милиции такая, что требует от людей немалых знаний». Заканчивает сообщение просьбой довести до сведения МВД, что необходимо, как можно скорее, открытие одного общего для всей России университета или института для подготовки лиц на должности милиционеров всех уровней [21, л. 33].

Вторит ему уже в сентябре меленковский комиссар. По его словам, милиция по уезду состоит только из выборных волостными Исполкомами милиционеров, которые малограмотны и совершенно незнакомы со своими обязанностями, поэтому все правонарушения и преступления, совершаемые в уезде, остаются необнаруженными. «Поручаемые дознания милиционеры производят так, что ничего в них понять нельзя и составляют без всяких требуемых правил, из-за чего всю работу приходится вести Начальнику уездной милиции и его двум помощникам, что при колоссальном количестве дел ложится на них тяжелым бременем» [22, с. 252].

Плохо обстояло дело с милицией и в Переславском уезде, где по состоянию на октябрь не был установлен штат и не сформирован личный состав. Начальника милиции комиссар характеризует как неопытного в своем деле и малознающего человека, который не может пользоваться надлежащим авторитетом у подчиненных, т.к. по своему социальному положению, знаниям, грамотности мало чем отличается от рядового милиционера. Состав низших служащих случайный, все новички в работе [15, л. 114].

Большинство комиссаров подмечают равнодушие населения к выборам в волостные земства. Местами списочной системой были недовольны, но открыто выражали недовольство отдельные, небольшие группы [15, л. 98]. 3 сентября в г. Переславле выборы в волостное земство прошли спокойно. Избирателей было не очень много; это комиссар объяснил тем, что 26 числа хоть и был праздник, но фабрики работали, а отчасти и апатией населения [15, л. 113]. Выборы в Учредительное собрание прошли благополучно: никаких эксцессов не было. Правда к избирательным урнам являлись не всегда охотно, но это объясняется не столько отсутствием интереса к текущему моменту, сколько «характерной русской неповоротливостью и тяжестью на подъем» [16, л. 360].

«Политическая физиономия уезда страдает крайней неопределенностью», – говорит в сентябре покровский комиссар об общественно-политических настроениях населения. По словам комиссара, все

деятели уезда являются в широком смысле беспартийными. Все организации на первый план выдвигают чисто практические задачи, оставляя в стороне решение принципиальных и общеполитических вопросов [15, л. 105–106]. 12 октября из Вязниковского уезда докладывают, что население занято одной мыслью – о продовольствии, на почве которого остановлены фабрики. «В отношении же населения к политической жизни вообще чувствуется и ужасная нервность, и безразличие». Выборы в волостное земство прошли без эксцессов, принимали участие 35–37% процентов населения, а в уезде и того меньше. Из аграрного движения в этот период лишь отдельная порубка леса в некоторых местах, и после поездки административных лиц ее удавалось уладить, рабочая же жизнь шла нормальным путем [15, л. 127–127 об.].

12 сентября 1917 г. александровский уездный комиссар рапортует, что самыми деятельными общественными организациями города являются Совет солдатских и рабочих депутатов и Учительская организация. Главная их заслуга – революционная пропаганда: первая издает демократическую ежедневную газету «Голос труда», а вторая принимает живое участие в работах по предвыборной кампании и устраивает по деревням собеседования с крестьянами на современные темы. Совет же крестьянских депутатов уезда малодетелен. Преобладающей по численности является партия социал-революционеров; менее людная, но более деятельная – партия социал-демократов с преобладанием большевизма. Последнее объясняется значительным количеством фабричных рабочих, живущих в городе и прилегающих районах Струнино и Карабаново. Однако в последнее время в г. Александрове, по словам комиссара, политическая активность населения значительно снизилась. Причинами того считает: сосредоточенность внимания видных членов Совета рабочих депутатов на занятых ими ответственных должностях, сокращение числа солдат в городе, а также продовольственную разруху. Даже в связи с выборами в Учредительное собрание сильного подъема настроения комиссар не ожидает [19, с. 242–244].

Меленковский комиссар, подробно характеризуя обстановку в уезде за вторую половину сентября, отмечает, что никаких трений между общественными организациями нет. Из политических партий деятельную работу проявляют эсеры и большевики. Партия социалистов-революционеров, к которой всецело примкнул Совет крестьянских депутатов, пользуется большой симпатией среди крестьянства уезда и проводит в самоуправлении большое количество своих членов. Партия социал-демократов имеет своими членами преимущественно фабричных рабочих, половина из них поддерживает программу большевиков. На своем последнем заседании 27 сентября Совет рабочих депутатов после обсуждения вопроса о новом коалиционном министерстве внес резолюцию, тождественную с резолюцией 26 сентября Петросвета о неказании поддержки новому правительству. Остальные партии в уезде не имеют организаций [15, л. 111, 146].

Оценка социального поведения и настроений рабочих также находит отражение в отчетах. Рабочее движение в Меленковском уезде, по словам комис-

сара, выражается в требовании увеличения заработной платы, в виду непрекращающегося повышения цен на все предметы первой необходимости. Продукты получали, главным образом, от жителей деревень, которые, зная высокую расценку труда, сравнительно с их прежними ценами, желали тоже больше заработать на своих продуктах. «На этой почве между рабочими и жителями деревень начинается вражда, и если не будет положен конец подобным повышениям, то можно ожидать открытых столкновений», – предостерегает комиссар [15, л. 112]. К концу сентября иссякли запасы продовольствия и в г. Переславле, а в уезде вследствие неурожая половина населения вынуждена покупать хлеб. В дальнейшем положение не обещает быть лучшим, т.к. губернская продовольственная управа очень задерживает доставку продовольствия [15, л. 113]. На Троцком снаряжательном заводе в Александровском уезде 30 сентября была организована временная приостановка работ как протест против отсутствия хлеба, с которым в уезде было крайне неблагополучно. Комиссар предупреждает, что нужно ожидать новых эксцессов на почве продовольственной разрухи [15, л. 108–109].

С обострением продовольственного вопроса и низкой заработной платы также была связана однодневная забастовка-протест рабочих всех местных фабрик и заводов 10 октября в Иваново-Вознесенске. Начальник милиции подчеркивает, что она прошла мирно, благодаря авторитетному влиянию Совета рабочих и солдатских депутатов, который сдерживал рабочих от всяких неорганизованных выступлений. «В городе до настоящего времени не было даже малейших попыток к нарушению порядка. Все это есть результат вполне организованной работы местного Совета рабочих и солдатских депутатов, опирающегося в своей общественной работе на фабрично-заводские комитеты и другие общественные организации в городе. Равным образом и со стороны милиции проводится бдительный надзор за уличными скоплениями и отдельными подозрительными лицами» [15, л. 115 об.].

Главной причиной забастовки рабочих на Владимирском пороховом заводе П.В. Парановского (она стала единственным выдающимся событием Покровского уезда за период с 17 по 30 сентября) комиссар считает конфликты заводской администрации с Советом рабочих депутатов, взаимные обвинения в провокациях. Когда комиссар прибыл на место для разрешения конфликта, рабочие были готовы и в этом видеть скрытый смысл. «Мне стоило огромных усилий доказать им, что я приехал только ради ознакомления с ходом забастовки и причинами. Рабочая масса враждебно относится ко всем представителям власти – будь эта власть государственная или власть заводская. Среди рабочих заметны течения крайнего анархизма; бывали случаи, резолюции и указания руководителей организации партии большевиками не признавались и подвергались жестокой критике» [15, л. 141].

Комиссар отмечает, что во время забастовки на заводе царил идеальный порядок. Охрана завода была блестяще организована самими рабочими; торговля спиртом и пьянство прекратилось совершенно, не

было ни одного случая преступлений. «Из всех забастовок, которые я наблюдал, эта была организована как можно лучше» [15, л. 141].

Частым явлением стали кражи и хулиганства. Особо тревожная обстановка была в тех городах, где поблизости были расквартированы пехотные полки. Например, александровский комиссар в сентябре главным несчастьем города считает воровство, не последнюю роль в подобных явлениях играли солдаты местного 197 запасного полка. Причина, по его мнению, кроется в недостаточности суровых мерах со стороны их прямого начальства [19, с. 242–244]. Милиция, состоящая из бывших солдат и претензией на 8-ми часовой рабочий день, мало приходили городу на помощь. Даже в борьбе с такими явлениями как пьянство, особо распространенное среди солдат, действия милиции были безрезультатными. Случалось, когда солдаты, застигнутые при обысках в казармах, оказывали ей безуспешное сопротивление [15, л. 150–150 об.].

Глухое брожение среди солдат, по сообщениям, наблюдалось с 1 октября в Покрове. Предполагаемое расформирование 21-го пехотного полка темные его элементы хотели использовать в целях погрома города, причем такая агитация замечена в большей степени среди солдат, отпущенных по болезни домой. «Вся вражда направлена против врачей, которые якобы приходят пьяными и не достаточно внимательно осматривают больных. Комиссар изменил освидетельствование: 3 дня в неделю вместо 1, более обширное и теплое помещение, военный караул в числе 20 человек в помещении». На фабрике Н. Солонина при станции Костерёво 10 октября имел случай насилия над Исполкомом Совета рабочих депутатов по причине лишения нескольких рабочих отсрочек. Они были немедленно отправлены в ряды войск, а 10 октября многие из них приехали на побывку домой и в отместку силой разогнали заседание Исполкома [15, л. 142].

С 1 по 8 октября все население г. Муром взбудоражили слухи о надвигающемся погроме, указывались его сроки и цифры домов, но информация оказалась ложной. Описывался также случай ограбления в доме на центральной улице с участием «известного преступника Мустафеева, солдата 205 полка»: злоумышленники, взломав одну из входных дверей, под угрозой лишить жизни потребовали выдачи денег. Подобный случай нападения был и на дом Смирнова, но благодаря бдительности жильцов этого дома ограбление было предупреждено [15, л. 125].

«По вечерам почти ежедневно подозрительные пьяные компании ходят или ездят по городу с гармоникой и песнями, безопасность граждан недостаточно обеспечена. Вообще каждую ночь бывают кражи». Как сообщает Муромский комиссар, милиция с этим злом бороться не может за отсутствием наружной охраны, на которую не отпускает средств ни город, ни земство. Комиссар считает недопустимой экономию денег на охране безопасности граждан и видит выход в формировании наружной охраны из таких солдат 205 полка, которых Начальник гарнизона признает благонадежными и выделит особый караул с офицером [15, л. 125 об.].

Из Покровского уезда 27 сентября сообщают, что в целом мирное течение жизни за последнюю неделю нарушалось только несколькими случаями краж со взломом, но каких-либо резких выступающих противозаконных или анархических действий в уезде не наблюдалось [15, л. 105–106]. В пределах Владимирского уезда за сентябрь месяц и вплоть до 20 октября, по сообщению Начальника милиции, проявления контрреволюционных выступлений не было, и принятие исключительных мер не понадобилось. «В настоящее время участились случаи краж, преимущественно хлеба и одежды. Идеи большевизма местным населением не воспринимаются, кроме фабричных рабочих» [15, л. 148]. В Судогодском уезде за сентябрь месяц также не произошло каких-либо выдающихся случаев или явлений [16, л. 99, 133].

После 20 октября большинство уездных комиссаров в докладах, которые уже поступали еженедельно, а иногда и ежедневно, ограничивались фразами «тревожно» или «спокойно» с небольшими событийными комментариями. Касались они единичных случаев погромов в городах [16, л. 10, 14; 23, л. 81], забастовок рабочих с требованиями увеличения заработной платы и других экономических улучшений, преимущественно под давлением профсоюза текстильных фабрик Иваново-Кинешемского района [15, л. 152], а также массовых порубках леса крестьянами [15, л. 151–151 об.]. Но были и те, кто давал более подробную оценку. Например, 26 октября настроение в Покрове, по словам комиссара, тревожное, 21-й пехотный запасной полк всецело на стороне большевиков. Среди «несознательной солдатской массы» росло погромное настроение, полковой комитет под влиянием агитаторов из Владимира постановил занять почту, телеграф, телефон и казенные учреждения, но постановление не было приведено в исполнение. Все остальные организации на стороне правительства [23, л. 21].

Хотя должность комиссара и была аннулирована декретом II съезда Советов от 26 октября 1917 г., в суматохе времени они еще продолжали, насколько это возможно, исполнять свои обязанности. Меленковский уездный комиссар характеризует положение в городе и уезде 28 октября как спокойное, все местные общественные организации действовали в полном согласии и тесном сотрудничестве в целях поддержания порядка. Рабочие круги и некоторая часть солдат открыто высказывали свое сочувствие большевизму, но местный Совет крестьянских депутатов и подавляющая часть населения всецело стояла на стороне Временного правительства. «По этим причинам едва ли возможно ожидать в городе и уезде активного выступления против Временного правительства – как попытки, заведомо обреченной на неудачу» [23, л. 71].

30 октября уездные комиссары докладывают, что в Меленковском, Ковровском и Судогодском уездах и городах все спокойно. Порядок не нарушался и случаев эксцессов на политической почве не было [23, л. 38, 39, 48, 76]. «Выдающихся событий» не произошло и во Владимирском уезде, только 28 октября во Владимире около 10:30 толпа граждан, недовольная порядком распределения масла и картофеля, учинила в городской продовольственной управе шум. Порядок был восстановлен [23, л. 76, 107].

«События политической жизни крупных центров последних дней октября в г. Переславль отразились слабо, – сообщает уездный комиссар 2 ноября. – Местный Совет рабочих и солдатских депутатов 29 октября ввел в качестве контроля воинский патруль в местную почтово-телеграфную контору. Вечером этот патруль был выведен по моему настоянию и благодаря моему согласию на посылку копий в совет с получаемых мною телеграмм» [23, л. 81]. На территории уезда толпа граждан, руководимая солдатами, пришедшими с фронта, арестовала некоторых торговцев за спекулятивные цели. Были командированы члены Советов и представители милиции для разъяснения гражданам незаконности ареста, но все их увещевания были безрезультатны [15, л. 82].

Даже после Октябрьского переворота председатель Ковровского Совета рабочих и солдатских депутатов, которого 5 ноября назначили на должность уездного комиссара, подмечает, что за ноябрь стали учащаться кражи и другие хулиганские выходки, а также наблюдалось злоупотребление оружием и недоверие к милиции со стороны граждан, которое в некоторых случаях оправдывалось. И это несмотря на то, что, по его же словам, симпатия большинства населения как г. Коврова, так и уезда были на стороне большевиков с самого начала революции [15, л. 156–156 об.].

Таким образом, отчеты уездных комиссаров и начальников милиции обладают огромным информационным потенциалом относительно оценки восприятия революции 1917 г. населением Владимирской губернии. Такие сообщения особо ценны в силу того, что, благодаря повсеместному настроению открытости и демократизации, в изучаемый период комиссары еще не теряли надежды быть услышанными в центре, верили в свою способность повлиять на развитие государства, пытались передать свое видение обстановки, того, с чем они соприкасались ежедневно, и даже давали предложения, советы по лучшему обустройству жизни.

Анализ сообщений с мест показал, что главными стали отнюдь не политические темы – самовольные порубки, захват лесов, учащающиеся грабежи и хулиганство, а также разруха в продовольственном обеспечении. Сетовали должностные лица на низкоквалифицированный состав милиции и комиссариатов, отсутствие средств и надлежащих правовых инструментов воздействия на правонарушителей, следствием чего стало падение авторитета власти в глазах обывателей и ощущение полной безнаказанности. Подчеркивалась также тревожность жителей городов, не защищенных от произвола хулиганов. В целом, отчеты рисуют абсолютную аполитичность крестьян Владимирской губернии в марте – октябре 1917 г. с их желанием решить насущные вопросы холода и голода, а также открытую воинственность рабочих, подозрительно относящихся ко всем представителям власти. Согласно донесениям, в сельской местности нарушения данного периода не носили антиправительственный характер, а были чередой локальных реакций экономического толка, не принимающих форму единого революционного движения.

Список литературы:

1. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с.
2. Кром М. Историческая антропология. 3-е изд. испр. и доп. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. 207 с.
3. История ментальностей. Историческая антропология: зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: РГГУ, 1996. 255 с.
4. Твердюкова Е.Д. Источники по новейшей истории России в «человеческом измерении»: историко-антропологический подход // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 14. С. 18–32.
5. Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации. М.: Наука, 1979. 294 с.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Моск. филос. фонд, 1995. 322 с.
7. Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы «Анналов» к российской философской школе // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. № 1. С. 7–21.
8. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьбы за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Лики России, 2012. 320 с.
9. Лобачева Г.В. Монархическая идея в массовом сознании россиян, 1881–1917 годы: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Саратов, 1999. 436 с.
10. Лобачева Г.В., Карабут А.К. 1917 год. Крах идеала верховной власти в общественном сознании россиян // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2010. № 19 (90). С. 165–172.
11. Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны, 1914–1918 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2000. 359 с.
12. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008. 677 с.
13. Марченя П.П. Массовое правосознание как фактор русской революции 1917 г. // История государства и права. 2010. № 19. С. 20–22.
14. Марченя П.П. Крестьянское сознание как доминанта Русской революции // Научный диалог. 2015. № 12 (48). С. 303–315.
15. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 1186. Оп. 2. Д. 42.
16. ГАВО. Ф. 1186. Оп. 1 Д. 56.
17. Птицына Г.М. Население Владимирской губернии и продовольственный вопрос в марте – октябре 1917 г. // Человек и общество в условиях войн и революций: мат-лы III всерос. науч. конф. (8–9 декабря 2016 г., Самара, СамГТУ). Вып. 3 / под ред. Е.Ю. Семеновы. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2016. С. 233–236.
18. ГАВО. Ф. 1186. Оп. 1. Д. 62.
19. Владимирская губерния и Российская революция в документах 1913–1918 гг.: сб. документов Государственного архива Владимирской области / Гос. архив Владимирской обл.; сост.: Т.А. Лашманова и др. Владимир, 2017. 499 с.
20. ГАВО. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 15.
21. ГАВО. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 16.
22. Птицына Г.М. Народная милиция Временного правительства во Владимирской губернии: полномочия и состав // Великая Российская революция 1917 года: проблемы истории и проблемы преподавания: мат-лы междунар. науч. конф. М.: МПГУ, 2017. С. 247–254.
23. ГАВО. Ф. 1186. Оп. 2. Д. 87.

Статья публикуется при поддержке гранта РГНФ № 17-11-33002.

**REVOLUTIONARY POWER PERCEPTION
BY THE VLADIMIR PROVINCE POPULATION IN MARCH-OCTOBER 1917:
ACCORDING TO THE DISTRICT COMMISSARS AND MILITIA CHIEFS' ESTIMATES**

© 2018

Ptitsina Galina Mikhailovna, postgraduate student of Russian History Department
Vladimir State University (Vladimir, Russian Federation)

Abstract. The paper deals with the analysis of the Vladimir province Provisional Government commissars and militia chiefs' reports on the assessment of revolutionary power perception by the local population in March-October 1917. The author characterizes a complex of sources and methodology of working with them. The paper considers the Vladimir province inhabitants' attitude to the change of power in February 1917, to the events in Petrograd in July, and to the October coup from the Provisional Government commissars' point of view. Besides, the author characterizes a condition of the people's militia, social behavior of rural and urban residents on the basis of official reports. The author concludes about an enormous information potential of such reports from the places, which, due to their structure and content, bear the imprint of the personal impression of the official from communicating with the inhabitants. The reports analysis has shown that their main topics were not political: unauthorized felling, seizure of forests, increasing robberies and hooliganism as well as disruption in food security. In general, the reports described the absolute apolitical nature of the peasants with their desire to solve the pressing issues of cold and hunger, as well as the open bellicosity of workers who were suspicious to all representatives of the government.

Keywords: Russian revolution of 1917; Provisional Government; provincial society; revolutionary power; local government; Vladimir Gubernia; provincial commissars; district commissars; people's militia; local history; perception; Imagology; social behavior; historical anthropology.